

Ранние этапы этнической истории и современный физический облик финно-угров

П. ВЕРЕШ

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФИННО-УГОРСКОЙ ПРАРОДИНЫ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

Прародиной финно-угорских народов в период возникновения научной лингвистики в середине XIX века, вслед за основоположником уралоистики М.А. Кастреном (1813-1852), считали Азию, а именно район Алтайских и Саянских гор, а с 1886 года - под влиянием известного русского учёного Кёппена (1836-1907) - европейскую территорию между Средним Поволжьем и Уральскими горами. Эта гипотеза основывалась на том, что финно-угорская прародина полностью находилась в широколиственной зоне в Восточной Европе, где были спонтанно распространены и дикие медоносные пчёлы. По предположению Кёппена, территорию финно-угров нужно локализовать в Европе. Эту гипотезу поддерживает подавляющее большинство исследователей. Одним из основных доказательств её правильности считалось то, что в финно-угорских языках существует общее название пчелы и мёда.

Это является одним из первых биогеографических свидетельств о прародине финно-угров, которое постоянно приводится до сих пор. Дело в том, что Кёппен считал, что медоносные пчёлы, издревле живущие в европейских лесах Поволжья, появились в районе к востоку от Уральских гор, в Сибири, весьма поздно, лишь в конце 18 века, под влиянием пчеловодческой деятельности русских переселенцев, которые перевезли несколько ульев из Башкирии на Алтай в XVIII-XIX вв. Поэтому нельзя локализовать прародину финно-угров в Азии (включая Туркестан и Сибирь), где медоносные пчёлы до XIX в. отсутствовали. По его мнению, даже дикие медоносные пчёлы, которые обнаружил известный востоковед В.В. Радлов (1837-1918) в горах Алтая у Телецкого озера, были распространены в Сибири в результате одичания домашних пчёл, покинувших ульи русских крестьян. Эта гипотеза о позднем распространении медоносной пчелы в Сибири была довольно широко

Вереш П.

распространена в (включая Туркестан и Сибирь) веке в России и позже была принята на вооружение при определении уральской прародины не только зарубежной финноугристикой, но и современной сибирской этнографией, и даже английской исследовательницей, занимающейся мировой историей пчеловодства.

Кёппен в своей работе ссылаясь главным образом на то, что якобы не существует ни русских письменных источников, ни лингвистического материала, которые свидетельствовали бы о том, что аборигенные народы Сибири занимались бортничеством до появления русских на территории к востоку от Урала. По его мнению, русские переселенцы не везли бы с собой ульи из Башкирии в Сибирь на рубеже XVIII-XIX вв., если бы коренные народы были ранее знакомы с медоносными пчёлами и занимались бы бортничеством. Палеолингвистическая гипотеза Кёппена до сих пор является самой распространённой концепцией среди зарубежных специалистов и не потеряла своего значения до наших дней. Для финских, эстонских и венгерских учёных доводы Кёппена были убедительными, и в своих работах при определении первоначальной территории финно-угров они и сейчас часто ссылаются на его биогеографические аргументы относительно медоносных пчёл.

Академик П. Хайду в своей знаменитой монографии "Уральские языки и народы" тоже принимает точку зрения Кёппена и не сомневается в том, что раньше в Сибири дикие медоносные пчёлы действительно не были известны (1985)*. По мнению крупного русского учёного В.Н.Чернецова (1905-1970), хотя в своё время в финно-угорских языках и уделялось много внимания словам "мёд" и "пчела", на самом деле в регионе на восток от Урала, несмотря на то, что там произрастают липа и вяз, пчёлы в диком виде не известны (1960). В связи с историографией популярной концепции Кёппена, надо однако отметить, что, как ни странно, иностранные учёные, восхищаясь его методом, не были знакомы с оригинальной работой известного русского исследователя, вышедшей в свет в 1886 г., а обычно пользовались лишь данными, кратко изложенными в его статье, опубликованной в

* Два-три подобного рода указания на год издания той или иной работы сохранены в авторском варианте. Статья завершается не примечаниями, как во всех остальных представленных в сборнике работах, а списком литературы, составленным автором. - отв. ред.

Проблема финно-угорской прародины

1890 г. в немецком этнографическом журнале в г. Штуттгарте. Кстати, эстонский этнограф Линнус в 1939 году весьма неудачно критиковал концепцию Кёппена, ссылаясь именно на В.В. Радлова. Однако, в своей монографии Кёппен подробно занимается этой проблематикой, утверждая как раз вслед за Радловым, обнаружившим в Сибири у алтайцев медоносных пчёл, что появление диких медоносных пчёл в Сибири есть вторичное явление, возникшее вследствие одичания домашних пчёл. Среди зарубежных исследователей лишь Б. Мункачи (1860-1937) корректно признал, что не имел возможности ознакомиться с монографией Кёппена. В его распоряжении имелась лишь статья русского учёного на немецком языке.

Другой крупный русский учёный, С.П. Толстов, исходную территорию финно-угорских народов предполагал не в Среднем Поволжье, куда, следуя концепции Кёппена, по традиции в XX веке помещали её венгерские, финские и эстонские учёные, а в Средней Азии, близ Аральского моря. Именно здесь, по его мнению, могли происходить предполагаемые тесные языковые контакты между (финно-) угорскими и дравидскими языками, или языком мунда, как считал венгерский дипломат, любитель-востоковед Хевеши, издавший в Лондоне по этому поводу книгу под псевдонимом Уксбонд.

Концепция С.П. Толстого о среднеазиатском происхождении древних уральцев сыграла большую роль в дальнейшем изучении проблем этнической истории финно-угров. Русские учёные – сначала В.Н. Чернецов, а затем Г.Н. Матюшин – продолжали развивать взгляды С.П. Толстого в этом направлении. Однако, аральская концепция прародины финно-угров позже сильно видоизменилась под влиянием новых археологических, палинологических и других материалов.

Данные палеобиогеографических реконструкций истории лесов в Евразии были впервые использованы в уралистике В.Н. Чернецовым, а не Д.Ласло, как многие ошибочно считают. Чернецов, выступая в Будапеште на первом Международном финно-угорском конгрессе (1960 г.) с докладом "К вопросу о месте и времени формирования уральской общности", подчеркнул, что изучение древних торфяников и сопоставление данных пыльцевого анализа позволяет теперь хотя бы в общих чертах восстановить картину распространения в древности древесных пород на

Вереш П.

территории СССР. Он привёл палинологические данные из монографии И.М. Нейштадта (1957), на что тогда, к сожалению, не было обращено должного внимания.

В монографии венгерского археолога Д. Ласло (1912-1998), вышедшей в 1961 г., действительно, использованы палинологические данные И.М. Нейштадта, однако, совершенно некорректно, что вызвало справедливую критику со стороны П. Хайду, И.Фодора, В.В. Напольских и других учёных. Д. Ласло тоже был уверен, что Кёппен абсолютно прав, утверждая, что не только пчеловодство-бортничество, но и сами дикие медоносные пчёлы ранее совершенно не были известны в Сибири и заимствованы аборигенными сибирскими народами на рубеже XVIII-XIX вв. в районе Алтая, исключительно под влиянием русских переселенцев.

По мнению венгерского академика П. Хайду (1964), места расселения древних уральцев нужно искать лишь в сибирской тайге, где преобладали еловые леса, главным образом кедр и пихта. Уральцы знали лишь названия деревьев Сибирской тайги, поэтому и их прародина находилась на территории к северу от Среднего Урала, в основном между Нижней Обью и Северным Уралом, включая верхнее течение р.Печоры. Из Западной Сибири около 6-5 тыс. до н.э. протофинно-угры переселились в Европу, на территорию к западу от Урала, в бассейн рр. Печоры и Камы. Однако, территория их прародины не могла заходить далеко в глубь зоны смешанных европейских широколиственных лесов, поскольку названия лиственных деревьев – за исключением вяза – сформировались в языке обособившихся групп финно-угров позднее. Здесь, в европейской части Уральских гор, отделившиеся от древних уральцев протофинно-угры постепенно знакомились с деревьями европейских широколиственных лесов: около 5 тыс. до н.э. – с вязом, а после распада финно-угорской языковой общности – с дубом, появившимся на европейских склонах Урала, как считал венгерский лингвист П.Хайду вслед за И.М. Нейштадтом (и Д. Ласло тоже), только около 3-2 тыс. до н.э. В связи с этим следует особо отметить, что зарубежные исследователи обычно ошибочно полагают, что дуб довольно поздно распространился в районе Средней Волги и Урала, якобы из средне-европейского рефугиума

Проблема финно-угорской прародины

широколиственного леса Карпатских гор во второй половине среднего голоцена. Исходя из того, что название дуба можно выявить лишь у финно-пермских народов, а у обских угров оно не обнаруживается, обычно предполагают, что во время появления дуба в Поволжье древние финно-угры жили уже раздельно. Таким образом, даже П. Хайду, вслед за Кёппеном, прародину финно-угров традиционно локализирует в северо-восточной части зоны европейских широколиственных лесов, делая акцент на том, что в финно-угорскую эпоху лингвистически можно реконструировать название лишь одного дерева широколиственного леса, а именно - вяза (PFU s'ala). Однако, это утверждение вызывает некоторое сомнение, ведь общеизвестно, что вяз в составе широколиственного леса распространяется в тесной связи с дубом и липой, не говоря о том, что дуб сам по себе является одним из самых характерных деревьев этого типа леса.

Однако, новейшие данные палинологии и других дисциплин свидетельствуют о том, что "лингвистическая палеонтология" в Венгрии и Финляндии до последнего времени совершенно неправильно определяла восточные границы распространения и широколиственного леса, и спонтанного распространения диких медоносных пчёл. А так как это главный биогеографический аргумент при определении территории финно-угорской прародины, можно сказать, что при установлении восточной границы исходного района древних финно-угров учёные, занимающиеся этой проблематикой, ошибались. Новые палинологические исследования Н.А. Хотинского и его учеников – В.С. Волков и В.А. Беловой доказывают, что восточная граница распространения широколиственного леса не ограничивалась только западным, европейским склоном Уральских гор, как это считалось раньше (1977,1980).

Липа, дуб и вяз проникали в Зауралье на несколько сотен километров вглубь, до среднего течения Оби, еще со времени среднего голоцена. Это означает, что деревья широколиственного леса всё-таки были известны в некоторых районах Западной Сибири уже 6 тысяч лет тому назад, хотя зарубежные исследователи до последнего времени категорически отрицали этот факт, а также и эндогенность медоносных пчёл к востоку от Урала в Сибири. При традиционном определении границы прародины фин-

Вереш П.

но-угорских народов вышеперечисленные факты не принимались во внимание, поэтому зарубежные учёные обычно придерживались той точки зрения, что исходная территория древних финно-угров располагается исключительно в районе между Средним Поволжьем и Уральскими горами. Даже рефугиум (т.е. первоначальный центр распространения) широколиственного леса на южном Урале до сих пор не был известен в специальной литературе по финноугристике, хотя для метода "лингвистической палеонтологии" несомненно имеет очень важное значение.

К сожалению, со времени выхода монографии Кёппена о финно-угорской прародине (с 1886 г.), исследователи не особенно считались с тем, что дикие медоносные пчелы живут в тесном симбиозе с липой. Учёные-лингвисты просто не знали, что пчёлы отдают предпочтение именно цветам липы. Даже те исследователи, которые признавали произрастание липы в Западной Сибири, в Зауралье или в Алтайских горах, были убеждены в том, что до рубежа XVIII-XIX вв. медоносных пчёл там - как утверждал Кёппен - не было. До этого было широко распространено ошибочное мнение, что медоносная пчела якобы тесно связана именно с дубом, который в настоящее время, действительно, распространяется в Восточной Европе лишь до Уральских гор.

Следует обратить внимание на такие новые данные палинологии, которые до сих пор по разным причинам не учитывались при определении прародины уральских и финно-угорских народов. Новейшие палинологические данные свидетельствуют о том, что довольно рано, уже во время климатического оптимума атлантического периода, когда наблюдалось максимальное распространение широколиственных лесов и в северном, и восточном направлениях, вяз, дуб и липа доходили не только до Урала, как ранее ошибочно предполагали лингвисты, но и намного восточнее, вплоть до среднего течения Оби. И хотя финно-угроведам удалось реконструировать лишь название вяза в эпоху финно-угорской общности, из этого, однако, не следует, что древние финно-угры на своей прародине были знакомы исключительно с этим деревом широколиственного леса. Другими словами, в начале среднего голоцена, около 5 тыс. до н.э., районы Зауралья и Западной Сибири тоже входили в зону широколиственных лесов. Данная территория к востоку от Урала являлась контактной зоной европейских и сибирских

Проблема финно-угорской прародины

лесов. Тем более, что важный рефугиум широколиственного леса находился именно в районе Южного Урала. Этот интересный факт до сих пор не был известен исследователям, занимающимся определением финно-угорской прародины методом "лингвистической палеонтологии". Учёных вводило в заблуждение то, что после климатического оптимума атлантического периода под влиянием экологических изменений, дуб постепенно был вытеснен из Западной Сибири. Следовательно, название дуба исчезло из языков обских угров и венгров, которые жили на угорской прародине к востоку от Уральских гор. Название дуба сохранилось только у финно-пермских групп, живущих к западу от Урала в зоне широколиственных лесов европейской части России. На основе этого лингвисты сделали неправильные выводы о позднем появлении названия дуба - лишь после распада финно-угорского единства. Поэтому, принимая во внимание тот факт, что деревья дуб, липа и вяз на Урале были известны с палеолита, где находился рефугиум широколиственного леса — можно предположить, что, независимо от отсутствия лингвистического материала в угорских языках, древним финно-уграм на прародине всё-таки было известно не только название вяза, но и дуба, липы и даже ореха. Дело в том, что эти типичные деревья широколиственного леса всегда распространяются вместе, и во время голоцена составляли единый биоценоз, хотя их границы и не совпадали полностью. Таким образом, сопоставление лингвистического материала с палинологическими данными даёт нам право существенно удревнить название дуба и липы, перенести их из финно-пермской эпохи в финно-угорскую, или даже в уральскую эпоху.

Нашу гипотезу подтверждает не только существование в южной части финно-угорской или уральской прародины рефугиума широколиственного леса, но и сохранение в юкагирском языке корня древнефинно-угорского названия вяза. Ко всему этому следует добавить, что дикие медоносные пчёлы живут в тесном симбиозе с деревьями европейского широколиственного леса, и особенно с липой. Из этого можно сделать вывод, что этот тип пчелы раньше был широко распространён в южной и средней частях Западной Сибири, включая и Зауралье, где липа и вяз встречаются и ныне.

Вереш П.

Общеизвестно, что до сих пор не обращалось должного внимания на то важное обстоятельство, что ива, берёза и тополь тоже произрастают в Зауралье, а цветочная пыльца этих деревьев весьма привлекательна для медоносных пчёл. Кроме того, специалистам-пчеловодам хорошо известно, что таёжные деревья тоже могут давать основу для изготовления мёда. Субарктический район между нижним течением р. Оби и Северным Уралом не может служить территорией финно-угорской прародины, хотя там, также как и на острове Новая Земля, обнаружена пыльца вяза и липы: эта пыльца попала сюда из более южных районов Урала и Западной Сибири, где находился рефугиум широколиственных лесов.

На основе новых палинологических данных, следует пересмотреть, помимо границ распространения широколиственного леса, и границы спонтанного распространения медоносных пчёл, ошибочно определённые на рубеже XIX-XX веков известным русским учёным Кёппеном в основном в лиственной зоне Европейской части России.

Бахрушину удалось найти в архиве города Кунгура письменное свидетельство, которое подтверждает, что до XVIII века (а именно в 1668-69 гг.) в районе Зауралья в бассейне реки Верхний Тагил тамошние манси занимались бортничеством. Но до 1930-го года этот факт не был известен. Кроме этого, Кёппен не знал также о том, что известный голландский путешественник XVII в. В. Витзен в своей монографии о России (1692 г.) упоминал о том, что ханты на Иртыше знакомы с дикими медоносными пчёлами и интенсивно занимаются бортничеством. Все вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что на территории к востоку от Урала дикие медоносные пчёлы по экологическим причинам были распространены издревле, а не являлись, как это обычно считается, одичавшими потомками домашних пчёл. В эндогенности диких медоносных пчёл нельзя сомневаться не только в районе Алтая, но и по всей Сибири. Дикая медоносная пчела в Северной Азии не существовала лишь в субарктических районах.

Итак, новейший анализ распространения деревьев широколиственных лесов и сибирской тайги в период голоцена позволяет говорить о том, что уральская и финно-угорская прародина одновременно располагалась по обеим сторонам Уральских гор, а

Проблема финно-угорской прародины

именно так, что финно-угры жили в основном в южной части широколиственных лесов, а предки самодийских народов - полностью или частично в таёжной зоне.

По нашему мнению, границы финно-угорской прародины можно установить биогеографическим методом лингвистической палеонтологии. Исходная территория древних финно-угров тесно связана с рефугиумом широколиственного леса в районе Южного Урала, на севере имевшего контакты с Западно-сибирской тайгой. Неслучайно мезолитическая культура на территории лесной и лесостепной зоны Зауралья, Западной Сибири и Приуралья, аazonально пересекающая несколько экологических зон, происходит из местного уральского палеолита. Близость между зауральским, западно-сибирским и прикамским мезолитом становится особенно заметной при сопоставлении археологических культур соседних областей. На западе они сближаются со средневожским мезолитом, но резко отличаются от вожско-окской синхронной археологической культуры, имевшей свидерские истоки. А уральский неолит ведёт своё происхождение от местного мезолита. Южно-зауральский мезолит и неолит ведут свои истоки из Средней Азии, и поэтому не имеют непосредственного отношения к древним финно-уграм.

Финно-угорское единство распалось по экологическим причинам во второй половине третьего тыс. до н.э., когда из-за ухудшения климата в Западно-Сибирской равнине началось интенсивное заболачивание и параллельно с этим в значительной мере изменились границы географических зон.

Угорская этнолингвистическая общность, возникшая в Зауралье в период между 2600-2100 гг. до н.э. после распада финно-угорского единства, имела андроновский культурный облик и уральский антропологический тип. Однако, после тысячелетнего сосуществования в конце бронзовой эпохи древние угры разделились. В распаде угорской общности (черкаскульская археологическая культура) большую роль играли сложные эколого-климатические и культурные процессы на рубеже второго-первого тысячелетия до н.э. Они решительным образом повлияли на дальнейшую судьбу древних угров, живших в бронзовую эпоху в лесостепи Зауралья.

Угорская этническая территория на юге Западной Сибири подвергалась дальнейшему заболачиванию в результате измене-

Вереш П.

ния климата около XII в. до н.э. в сторону увлажнения в лесной зоне Северной Евразии. К концу бронзового века в полосе лесостепи Зауралья везде наблюдается заметное сокращение численности крупного и мелкого рогатого скота, но при этом интенсивное возрастание доли лошадей. Параллельно с этим отмечается резкое увеличение роли охоты, которая у местного угорского населения даже в предыдущий период не имела такого большого значения. Всё это подтверждает резкое ухудшение климата Западной Сибири. Не случайно, что в китайских письменных источниках в VIII в. до н.э. Западно-Сибирская низменность, где сформировался самый болотистый район в мире – называется "Северным морем". На ухудшение экологической ситуации на рубеже второго-первого тысячелетия до н.э. угорское население Зауралья – т.е. общие предки венгров, хантов и манси – должны были соответственно отреагировать. Угры должны были либо приспособить свой хозяйственный быт к новой экологической обстановке, либо оставить свою прародину и переселиться в другие области. Часть предков обских угров, начиная с XII в. до н.э., переселяется в бассейн Нижней и Средней Оби – на их современную этническую территорию. Предки венгров в это же время из лесостепного Зауралья мигрируют на юг в степную зону. По-видимому, это переселение отражает черкаскульская археологическая культура, которая между XII-X вв. до н.э. вклинивается в степь, где на рубеже второго-первого тысячелетия до н.э. зарождается новый, специализированный хозяйственно-культурный тип – кочевое скотоводство – номадизм. Так как из Зауралья под влиянием ухудшения климата дуб вытесняется, его название выпадает из языков обских угров и венгров. Вследствие того, что лингвисты в современных угорских языках не могли выявить название дуба в отличие от финно-пермских народов, они ошибочно предполагали, что в угорскую эпоху общие предки венгров и обских угров не были знакомы с дубом, потому что это дерево, якобы, не произрастало на угорской прародине. Однако, это только видимость, позднее явление, которое связано с выпаданием дуба из деревьев широколиственного леса Зауралья, и, соответственно, исчезновением названия дуба из языка угорской группы. Общеизвестно, что южные этнографические и диалектные группы манси ассимилировались гораздо раньше, чем их лингвистический материал смог быть собран исследовате-

Проблема финно-угорской прародины

лями. Согласно методике финноугристики, древними считаются лишь те слова, относящиеся к уральской или финно-угорской эпохе, которые можно выявить в отдельных подгруппах этой языковой семьи. Таким образом, этот метод сравнительной лингвистики таит в себе возможность некоторых ошибок, ведь отдельные слова могли исчезнуть и сравнительно недавно, как это случилось, например, с названием дуба у обских угров. А это может повлечь за собой воспроизведение неправильных лингвистических реконструкций, во всяком случае, в хронологическом отношении.

Литература

- Вереш П.* Этногенез и ранняя этническая история венгерского народа до 896 г. Москва. / Рукопись кандидатской диссертации/, 1979
- Волкова В.С., Белова В.А.* О роли широколиственных пород растительности голоцена Сибири // Палеопалинология Сибири. М., 1980.
- Кеппен П.* К вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индо-европейского и финно-угорского племени. СПб., 1886.
- Косарев М.Ф.* К проблеме палеоклиматологии и палеогеографии юга Западно-Сибирской равнины в бронзовом и железном веках // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. М., 1979.
- Нановфски Д.* /ред/. Финно-угорский мир. Будапешт-М., 1996.
- Напольских В.В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.
- Радлов В.В.* Из Сибири. М., 1995.
- Савельева Э.А.* /ред./. Археология республики Коми. М., 1997.
- Сакс В.Н.* Палеопалинология Сибири. Москва, 1980.
- Соколова З.П.* Миграционные процессы и их факторы у обских угров в прошлом // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. М., 1979.
- Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985.
- Хелимский Е.А.* Компаративистика, уралоистика. М., 2000.
- Хотинский Н.А.* Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
- Хотинский Н.А.* Следы прошлого ведут в будущее. М., 1981
- Чернецов В.Н.* Древнейший период истории народов уральской общности // 1-й Международный финно-угорский конгресс, 1960 г. Будапешт, 1963